

BAZAROV Boris Vandanovich, *Dr.Sci.(Hist.)*, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (6 Sakhyanovoy St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670047; bazarov60@mail.ru)

KHISHIGZHARGAL Gandandorzh, *postgraduate student of the Buryat State University (24a Smolina St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670000; samchuluun@gmail.com)*

SPECIFIC FEATURES OF THE MILITARY-ADMINISTRATIVE SYSTEM OF OUTER MONGOLIA IN THE QING PERIOD

Abstract. The paper analyzes the peculiarities of creation and functioning of the military-administrative system of the Qing Empire in Outer Mongolia after the demise of the Mongolian empire. The system of training of the cadres of administrators as well as the activity and main functions of each administrative unit are viewed in detail.

Keywords: Qing Empire, Outer Mongolia, military-administrative system, aimag, khoshun, somon, otag

УДК 94(517.3)

ГОМБОЖАПОВ Александр Дмитриевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (670047, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; Agombozh@gmail.com)

НОЛЕВ Евгений Владимирович – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (670047, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; nolev@inbox.ru)

ИСТОРИОГРАФИЯ РАСПАДА ВЕЛИКОЙ МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ

Аннотация. Статья представляет собой историографический обзор трудов, посвященных истории распада Великой монгольской империи. Показана эволюция взглядов исследователей в понимании причин распада государства Чингисхана и его наследников. Особое внимание уделяется теоретическим основаниям исторических концепций распада Монгольской империи в отечественной и зарубежной историографии – от провиденциализма до современных подходов к изучению кочевых обществ и кочевых цивилизаций с позиций культурологии, социальной и политической антропологии. Представлена классификация причин распада крупнейшей империи Средневековья, обусловленных рядом факторов экономического, политического, социального и культурного характера. Анализируются дискуссии по вопросу о продолжительности существования Монгольской империи.

Ключевые слова: историография, монголоведение, Великая монгольская империя, Чингисхан, кочевые общества, распад

Особой научной и политической значимостью всегда отличался вопрос о факторах устойчивости, целостности и единства государства, его способности противостоять внешним и внутренним угрозам. Фундаментальные свойства жизнеспособности политических структур отчетливо обнаруживаются в ретроспективном срезе причин распада государственных образований, занимавших господствующее положение и сошедших с исторической арены. В этом плане весьма показательным станет изучение опыта осмысления причин крушения Великой монгольской империи, объединившей огромные пространства Евразии, народы и государства различных культурных и цивилизационных ареалов.

Ориентиры поиска причин распада Великой монгольской империи были детерминированы как уровнем развития востоковедения в отдельных странах в различное время, так и общими представлениями о природе Монгольской империи и кочевых обществ.

Атмосфера страха перед варварским народом у границ европейских государств, именуемым «тартарами», способствовала осмыслению монгольского нашествия современниками в провиденциальном ключе — как «бич Божий» и «наказание за грехи». В этом плане показательной является эволюция восприятия монгольской власти на Руси и причин ее свержения. Изначально воспринимаемая как проявление «гнева Господнего», с конца XIV в. она предстает силой, призванной «разорить христианскую веру». Следовательно, и победа над монголо-татарами обосновывается божественной поддержкой. Этот локальный эпизод истории Монгольской империи ярко иллюстрирует провиденциальную объяснительную модель.

На рубеже XIV–XV вв. выдающийся арабский историк и философ Ибн-Хальдун предпринял комплексную попытку объяснения развития кочевого общества. Причину разрушения государств, созданных кочевниками, мыслитель видел в природе организации nomadных обществ. Эволюционный путь развития скотоводов отличался от эволюционного пути земледельцев, которым присущ «органичный» путь создания государства. Кочевники же, объединяясь в систему родственных групп с общими интересами — асабийю, завоевывают земледельцев, создавая ксенократическое государство. Длительность существования такого государства ограничивается тремя-четырьмя поколениями. Первое поколение представляют завоеватели. Второе — живет в роскоши и изнеженности, усиливается неравенство среди завоевателей, в административных центрах формируются тенденции сепаратизма. Третье — еще больше утопает в роскоши, что является признаком усиления деградации и энтропии власти. В итоге, если государство не будет завоевано, с тем чтобы создать новый политический механизм, оно обречено на исчезновение [Крадин, Скрынникова 2006: 13–14].

Отождествление кочевников с варварами, для которых характерно доцивилизационное состояние, было присуще европейским мыслителям XVIII — первой половины XIX в. Отнесение кочевников к доисторической стадии развития в концепции Г. Гегеля, сравнение их набегов с «опустошительным лесным потоком», который несет лишь разрушения, а затем опять исчезает, «так как нет в нем подлинного жизненного начала», исключает необходимость поиска причин крушения кочевых государств. Примечательно, что подобная традиция продолжается в работах А.Дж. Тойнби, где кочевники объявляются обществом, у которого нет истории [Тойнби 2010: 192].

В отечественном дореволюционном востоковедении Монгольской империи и причинам ее распада уделялось более пристальное внимание. М.И. Иванин писал, что политические правила, установленные Чингисханом для сохранения потомками огромной монархии, в самом основании носили зародыш разрушения. Установленное правило — избирать в ханы самых достойных из рода Чингисова было трудновыполнимо в последовавшие времена дворцовых интриг, когда собственная выгода и безопасность членов курултая требовали выбора в ханы людей слабого характера и ограниченных способностей [Иванин 2007: 50]. В.Л. Котвич отмечал, что монголы стали тонуть в инородной среде, составляя «ничтожное меньшинство» среди покоренных народов. Вместе с тем «долгие годы сравнительного спокойствия, с одной стороны, затушевывали в глазах покоренных народов обаяние побед и ужасы жестоких расправ с непокорными, а с другой — потушили воинственный пыл в монгольском народе» [Котвич 1914: 7]. Н.Я. Коростовец связывает падение монгольской династии в Китае с раздорами

в доме Чингисхана, вызванного спорами между родственниками из-за титула великого хана и чрезмерным выпуском бумажных денег, приведшим к инфляции, всеобщему обнищанию и недовольству [Коростовец 2004: 14]. Г.Е. Грум-Гржимайло объясняет причины падения Юаньской династии утратой навыков побеждать и военного опыта монголами, которые оставались монголами только по рождению. Этому же в немалой степени способствовали анархия, водворившаяся в империи, и непрекращавшаяся борьба честолюбцев при дворе [Грум-Гржимайло 1926: 509].

Академик В.В. Бартольд видел причины распада империи Чингисхана в разложении родовых отношений. Созданная империя рассматривалась как собственность всего правящего ханского рода. Экономическая самостоятельность и достаточность военных ресурсов правителей отдельных улусов обеспечивала им относительную автономность. Отпала необходимость в родовой солидарности, когда «отдельные царевицы получили возможность поддерживать свою власть в покоренных областях без помощи своих родичей; не сдерживаемые больше влиянием такой могучей, одинаково авторитетной для всех личности, какой был Чингиз-хан, они скоро сделались главами самостоятельных государств» [Бартольд 1968: 265]. Отсутствие согласованности и противоречия между правителями различных частей империи были углублены также тем обстоятельством, что они были воспитаны в различной культуре. Так, «в некоторых семьях... даже в семье второго кагана Угэдэя, одни сыновья получали христианско-уйгурское воспитание, другие – мусульманское, что, конечно, могло только содействовать раздорам и междоусобиям, и без того вызванным расширением пределов империи и отсутствием солидарности интересов» [Бартольд 1968: 264-265].

Академик Б.Я. Владимирцов, солидаризуясь с мнением В.В. Бартольда, добавляет, что Монгольская империя неизбежно должна была распасться, поскольку организация монгольского общества была основана не только на родоплеменных принципах, но и на феодальных [Владимирцов 1934].

В позднейшей советской историографии вопрос о распаде Монгольской империи рассматривался преимущественно с точки зрения формационного подхода и классовой борьбы. Поэтому главными причинами крушения военно-феодальной империи объявлялись: 1) борьба покоренных народов, стоявших в большинстве своем на более высоком культурном и хозяйственном уровне развития, с завоевателями; 2) жесткая эксплуатация трудящихся масс самой Монголии со стороны своей феодальной знати; 3) отсутствие прочных экономических связей между различными частями империи.

Альтернативная точка зрения в это время была сформирована в трудах представителей евразийской школы. Они считали, что благодаря монгольскому завоеванию Русь была втянута в общий ход евразийских событий, а Москва, в конечном итоге, стала наследницей монголов и приняла общеевразийскую объединительную роль. Так, Г.В. Вернадский отмечает, что с момента возникновения и на протяжении всего периода существования «монгольская империя была наполнена внутренними конфликтами и стояла перед лицом постоянно нарастающих противоречий» [Вернадский 1997: 136]. Угрозу распада империи, по его мнению, несли сами базисные принципы организации империи: несовместимость между имперской системой и феодальной природой монгольского общества; отсутствие «абсолютной согласованности действий» на уровне империи и ханств; обширность империи и «примитивность технологических условий».

По аналогии с явлением феодальной раздробленности Г.В. Вернадский рассматривает междоусобные войны преемников Чингисхана. Территория коренного улуса (в пределах нынешней Монголии) была объектом притязаний со стороны

всех потомков Чингисхана, и фактически «центрально-азиатский регион стал полигоном монгольской феодальной политики, которая имела разрушительный эффект для имперского единства» [Вернадский 1997: 137].

Одной из важных причин ослабления империи стало разрастание правящего рода. Необходимость выделения каждому члену «золотого рода» военных и административных должностей в скором времени привело к замене правящего слоя «монгольской нации» родовой элитой. «Принимая это во внимание, можно сказать, что подъем влияния князей не мог не затронуть эффективность действий армии. В действительности оказались подорваны два важных принципа Чингисхана: равенство на службе и продвижение на основе способностей» [Вернадский 1997: 139].

В постсоветский период учение евразийцев оказалась востребованным в условиях поиска новой идеологии. А.Г. Дугин, рассматривая последствия монгольского влияния в геополитическом аспекте, отмечает, что «русские до Чингисхана — периферия Византии и Европы; русские после Чингисхана — оплот Вселенской Империи, Новая Византия, последний Рим, абсолютный центр геополитической битвы за судьбы мира» [Дугин 2002: 283]. Следствием этого явилось Белое царство Московской Руси как полюс неовизантийски оформленной православной монголосферы. Согласно евразийской точке зрения, произошла своеобразная эволюция «духа», «миссии» и геополитики Монгольской империи в российскую государственность.

В западной историографии XX в. среди причин распада Монгольской империи выделяются разобщение улусов и влияние мировых религий, что способствовало развитию междоусобиц (Д. Чемберс), противоречие между кочевыми традициями и этатистским характером государства Чингисхана (Ж. Легран) [Лушников 2009: 39-41].

Монгольский историк Чулууны Далай обращает внимание на разгоревшуюся после смерти Мункэ-хана борьбу за великоханский престол. В оценке ученого главным отличием этой борьбы стал вопрос сохранения центра империи: «усилия Ариг-Бога, направленные на то, чтобы сохранить административный центр Монголии в Каракоруме, были положительным фактом для истории Монголии, а деятельность Хубилая, который перенес свою столицу в чужую страну, — отрицательным» [Далай 1983: 173]. Победа Хубилая имела глубокие последствия для исторических судеб собственно монгольского государства.

Рубеж XX–XXI вв. ознаменован усилением интереса к истории государства Чингисхана и его потомков. В отечественной историографии это было обусловлено отказом от марксистской парадигмы, открывшим новые перспективы исследования кочевых обществ. Ввод новых источников и переосмысление роли Монгольской империи в мировой истории, сопровождающиеся признанием *Washington Post* Чингисхана человеком тысячелетия и масштабным празднованием в 2006 г. 800-летия со времени образования Монгольской империи, вызвали всплеск интереса к изучению монгольского наследия среди зарубежных исследователей.

Дэвид Морган в статье «Упадок и падение Монгольской империи» исследует судьбу каждого из улусов, образовавшихся после распада империи в 1260 г. Преобладание внутренних факторов над внешними, по мнению Моргана, — общая характерная черта для всех четырех государств: династии Юань, державы Хулагуидов, Золотой Орды и Чагатайского улуса. Примечательно, что автор более раннее падение империи Юань и державы Хулагуидов в сравнении с Золотой Ордой и Чагатайским улусом связывает с тесным сращиванием кочевой элиты с господствующим классом оседло-земледельческих государств. Там, где сохранялся традиционный степной образ жизни (Золотая Орда

и Чагатайский улус), государство кочевников имело более продолжительное существование [Morgan 2009].

П. Джексон на основе подробного анализа взаимоотношений между наследниками Чингисхана и системы престолонаследия приходит к выводу, что наследование в нарушение традиционных представлений о передаче власти часто приводило империю к междоусобным войнам [Jackson 1978].

Схожего мнения придерживается и Т. Барфилд. По его мнению, поддержание единства Монгольской империи с течением времени становилось все более затруднительным, преобладание местных интересов над интересами империи в целом было дополнено отсутствием четкой системы наследования, что вводило империю в длительный кризис, преодоление которого все чаще стало решаться военной силой [Барфилд 2009].

В 1995 г. исследователь из Тайваня Чхао Чху-ченг, проходивший обучение в аспирантуре в Казани, подготовил диссертационное исследование, посвященное теме распада сверхдержавы монголов в 60-х гг. XIII в., опубликованное в виде монографии в 2008 г. На основе сравнительно-сопоставительного анализа различных источников и широкого привлечения исследований китайских, монгольских и японских авторов, освещающих ситуацию распада Монгольской империи в силу отражения данных событий в используемой ими источниковой базе, были выявлены следующие комплексы факторов распада: «Экономические: возрастающая имущественная дифференциация; соперничество за влияние в торговой сфере; переход кочевников к оседлой жизни и стремление сохранить кочевой уклад, что приводило к социально-экономическим противоречиям. Политические: наличие кризисов в политической системе Монгольской империи; несовершенство закона о престолонаследии; конфликты из-за традиционного представления о родовой собственности; столкновение интересов военно-политических группировок. Этнокультурные: конфликты между различными культурами и традициями; разрушение единства культуры самих монголов» [Чхао Чху-ченг 2008: 97-99]. Отмечая тесную взаимосвязь и взаимодействие указанных факторов, автор все же подчеркивает ключевое значение социально-экономических причин, предопределивших развитие новых феодальных отношений в недрах скотоводческого уклада, изначально конструировавшего политическую систему и культурное мышление монголов. Усиление сформировавшейся в результате этих процессов феодализирующейся монгольской аристократии на местах привело к нарастанию сепаратистских устремлений, «автономизации» улусов, разрушению духовного единства монголов и краху государственной идеи Чингисхана.

Дальнейшее осмысление вопроса на новом концептуальном уровне привело обсуждение проблемы в теоретическую плоскость исследования кочевых обществ и кочевых цивилизаций с позиции новейших достижений в области геополитики, культурологии, социальной и политической антропологии.

Авторы монографии «Империя Чингис-хана» Н.Н. Крадин и Т.Д. Скрынникова выделяют наиболее общие причины распада, характерные для циклов развития любой империи, и непосредственные, касающиеся внутреннего развития Монгольской империи. Среди причин общего характера указаны сокращение поступления прибавочного продукта в метрополию извне, расширение территории империи выше оптимального предела. Основной причиной распада Монгольской империи, по мнению авторов, стала специфическая удельно-лестничная система наследования власти. Конкретной и непосредственной причиной стало распространение пандемических заболеваний, разрушивших глобальную мир-систему XIII–XIV вв. [Крадин, Скрынникова 2006: 486].

А.М. Хазанов выделяет три основных типа возникновения и эволюции кочевой государственности. В основе этой типологии лежит критерий степени взаимодействия кочевников и населения земледельческих государств. Завоевательные кампании и опосредованная эксплуатация ресурсов земледельческо-городских областей позволяли обеспечивать и поддерживать кочевую государственность первого типа. Единое монгольское государство ученый отнес именно к этому типу. С исчерпанием поступающих ресурсов дальнейшая эволюция кочевого государства подходит к своему завершению, либо оно продолжает развиваться, трансформируясь в оседло-земледельческо-городской тип общества или в государство второго типа, в котором и кочевники, и земледельцы были интегрированы в единую социально-политическую систему. По мнению исследователя, «прекращение широкомасштабных завоеваний совпало, и едва ли случайно, с началом распада империи» [Хазанов 2008: 262]. Судьба кочевой государственности в улусах империи после распада развивалась в рамках двух обозначенных типов.

Г.Г. Пиков с позиции культурологического анализа объясняет причины распада Монгольской империи тем, что кочевая организация времен Чингисхана достигла предела своего развития. Неспособные эволюционировать в иное политическое, экономическое, социальное и культурное состояние, кочевники стали включать в свои крупные государственные образования территории земледельцев. При этом военная мощь не была подкреплена объединяющей идеей. Полиэтничность и толерантность монголов обостряла межэтнические противоречия и конкуренцию мировых религий, в то время как мироустроительная функция монгольской культуры была еще недостаточна развита. Автор приходит к выводу, что евразийская империя в те времена была просто невозможной [Пиков 2011: 194-197].

В современной монгольской историографии распад империи Чингисхана рассматривается преимущественно как следствие борьбы за ханский титул между его потомками вследствие неотрегулированного порядка престолонаследия [Монгол улсын... 2003: 196].

В исследованиях обоснованно ставится вопрос о времени распада Монгольской империи. Часть историков полагают, что окончательное закрепление независимости улусов произошло после курултая 1259 г., во время которого правители улусов Джучи, Чагатай и Угедэй признали друг друга суверенными ханами, закрепив за собой этот титул, и объединились против великого хана. Другие, считающие указанное событие началом гражданской войны, после которой Монгольская империя была восстановлена в форме имперской конфедерации, называют в качестве верхней границы 1368 г., когда монголы утратили Китай. При этом отмечается сохранение в течение всего указанного периода общеимперской структуры над улусами, имперского центра и имперской идентичности. Вместе с тем присутствует мнение, согласно которому верхней границей существования Монгольской империи являются 1388–1389 гг., когда произошел официальный отказ от божественного мандата Чингисхана на мировое господство. Диалектика указанных вариантов привела к формированию компромиссной концепции о существовании двух Монгольских империй [Почекаев 2009].

Проведенный историографический обзор позволяет определить исследовательскую перспективу, состоящую, прежде всего, в комплексном изучении феномена Монгольской империи в категориях западной и восточной политических систем. Более детального анализа требуют цели и идеология завоевательной политики Чингисхана с определением наличия консолидирующих политико-образующих элементов. Исследования дореволюционных отечественных авторов ставят вопрос о том, была ли Великая Монгольская империя империей одного

правителя. Ситуация и механизмы распада крупнейшей державы Средневековья требуют дальнейших комплексных исследований.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда. Проект №14-18-00552 «Монгольские народы: исторический опыт трансформации кочевых сообществ Азии».

Список литературы

- Бартольд В.В. 1968. Образование империи Чингиз-хана. — *Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов*. М.: Наука. С. 253-265.
- Барфилд Т. 2009. *Опасная граница. Кочевые империи и Китай (221 г. до н.э. — 1757 г. н.э.)*. СПб: Ф-т филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История. 248 с.
- Вернадский Г.В. 1997. *Монголы и Русь*. Тверь: Леан, М.: Аграф. 480 с.
- Владимирцов Б.Я. 1934. *Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм*. Л.: Изд-во АН СССР. 223 с.
- Грум-Гржимайло Г.Е. 1926. *Западная Монголия и Урянхайский край*. Том второй. *Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии*. Л.: Типография Главного Ботанического Сада. 905 с.
- Далай Ч. 1983. *Монголия в XIII—XIV веках*. М.: Наука. 232 с.
- Дугин А.Г. 2002. Чингис-хан и монголосфера. — *Русь Монгольская: Чингис-хан и монголосфера*. М.: Аграф. С. 282-300.
- Иванин М.И. 2007. *О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингис-хане и Тамерлане*. Улан-Удэ: Соел-Культура. 254 с.
- Котвич В.Л. 1914. *Краткий обзор истории и современного политического положения Монголии*. СПб: Издание общества «Картографическое Заведение А. Ильина». 44 с.
- Коростовец И.Я. 2004. *От Чингис Хана до Советской республики (Краткая история Монголии с особым учетом новейшего времени)*. Улан-Батор: ЭМГЭНТ. 560 с.
- Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. 2006. *Империя Чингис-хана*. М.: Восточная литература. 557 с.
- Лушников О.В. 2009. *Монгольская империя в историографии XVIII—XX вв.* Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ. 116 с.
- Пиков Г.Г. 2011. Европа и монголы в XIII в. — *История Небесной империи*. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН. С. 169-201.
- Почекаев Р.Ю. 2009. Вторая империя Монголов: притязания и действительность. — *Монгольская и Российская историография Великой Монгольской империи*. Улан-Батор. Изд-во Института истории АН Монголии. С. 106-113.
- Тойнби А.Дж. 2010. *Постижение истории*. М.: Айрис-Пресс. 640 с.
- Хазанов А.М. 2008. *Кочевники и внешний мир*. СПб: Филологический факультет СПбГУ. 512 с.
- Чао Чху-ченг. 2008. *Распад Монгольской империи*. Казань: Институт истории им. Марджани. 108 с.
- Jackson P. 1978. The Dissolution of the Mongol Empire. — *Central Asiatic Journal*. Vol. 22. No. 3/4. P. 186-244.
- Morgan D. 2009. The Decline and Fall of the Mongol Empire. — *Journal of the Royal Asiatic Society*. Vol. 19. Is. 4. P. 427-437.
- Монгол улсын түүх. Дэд боть (XII — XIV зууны дунд үе)*. 2003. Улаанбатар. 537с.

GOMBOZHAROV Aleksandr Dmitrievich, *Cand.Sci (Hist.)*, Leading Researcher of the Department of History and Culture of Central Asia, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian branch of Russian Academy of Sciences (6 Sakh'yanovoj St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670047; Agombozh@gmail.com)

NOLEV Evgeniy Vladimirovich, *Cand.Sci.(Hist.)*, Junior Research Fellow of the Department of History and Culture of Central Asia, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian branch of Russian Academy of Sciences (6 Sah'janovoj St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670047; nolev@inbox.ru)

HISTORIOGRAPHY OF THE COLLAPSE OF THE GREAT MONGOL EMPIRE

Abstract. The article represents a historical review of the works devoted to the history of the collapse of the Great Mongol Empire. The authors presented the evolution of the views of researchers on the causes of the collapse of Genghis Khan's and his successor's state. Special attention is given to the research of the theoretical foundation of historical concepts of the Mongol Empire's collapse in the domestic and foreign historiography, and different theories – from providentialism to contemporary approaches to the study of nomadic societies and nomadic civilizations based on cultural studies, social and political anthropology. The classification of the political, economic, social and cultural causes of the collapse of the largest empire in the Middle Ages is given in the article. The authors consider discussions about the period of the existence of Mongol Empire.

Keywords: historiography, Mongolian studies, The Great Mongol Empire, Genghis Khan, nomad societies, collapse

УДК 94(71).06; 94(71)«1939/45»

ЖУКОВСКАЯ Наталия Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой международных отношений и политологии Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина (392008, Россия, г. Тамбов, ул. Советская, 181-и; zjukovskaya@yandex.ru)

УЧАЕВ Антон Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник кафедры истории, философии и политологии Саратовского социально-экономического института – филиала Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (41003, Россия, г. Саратов, ул. Радищева, 89; uchaevan@gmail.com)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ КАНАДСКОЙ АРМИИ ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье анализируются особенности эволюции структуры сухопутных сил Канады в период Второй мировой войны под воздействием внешне- и внутривнутриполитических факторов. Обозначаются основные элементы данного процесса, приводятся факты взаимодействия политической и военной сфер в доминионе. Результат исследования показывает тесную взаимосвязь доминиона и метрополии в военном вопросе, а также подтверждает влияние франко-канадской проблемы в качестве сдерживающего фактора в данной сфере.

Ключевые слова: Канада, Вторая мировая война, армия, вооруженные силы, Великобритания, доминион

Объявив войну Германии 10 сентября 1939 г., Канада столкнулась с серьезной проблемой: в ее распоряжении было всего лишь 4 500 бойцов [Stacey 1948: 1]. С учетом франко-канадского фактора правительство не имело широких возможностей по наращиванию численности армии и, как следствие, события не форсировало. Основной задачей была объявлена оборона страны, но еще 5 сентября министерство обороны получило указание не стимулировать вступление добро-